

МАРИНА СПИРИНА

Повесть о военном детстве

Марина Спирина
Повесть о военном детстве

«Издательские решения»

Спирина М.

Повесть о военном детстве / М. Спирина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852940-5

Повесть была задумана как книга для детей и написана еще двадцать лет назад. По понятным причинам в 90-е годы опубликовать ее возможности не было. Хотелось, чтобы книжка была с иллюстрациями, фотографиями, как печатали детские книги раньше. Понимаю, что в тексте есть шероховатости, но я не профессиональный поэт, технарь по образованию — так что не судите строго. Но хочется надеяться, что моя повесть о военном детстве, прошедшем в тыловом тогда Свердловске, не оставит вас равнодушными.

ISBN 978-5-44-852940-5

© Спирина М.
© Издательские решения

Содержание

Тишина	6
1941 год	7
Беженцы	10
Эвакуированные	13
Без отца	15
Мама	17
Женщины	19
Дрова	25
Буржуйка	27
Морозы	29
Коптилка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Повесть о военном детстве

Марина Спирина

Иллюстратор Марина Александровна Спирина

© Марина Спирина, 2017

© Марина Александровна Спирина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2940-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор – Марина Курочкина (Спирина) в 1945 году

Тишина

Как тихо... Непривычна тишина
В моем, весь день звенящем доме.
Уснула дочь, несказанно смирна,
И мишку обнял сын неугомонный.

Гремучие машинки тоже спят
Под столиком, в углу, зажмурив фары;
Спокойно куклы на шкафу сидят,
И дремлет в коридоре мячик старый.

Знакома мамам всем такая тишина,
Когда уснули, наигравшись, дети,
Когда я словно на весь мир одна —
Такая тишина вокруг на свете...

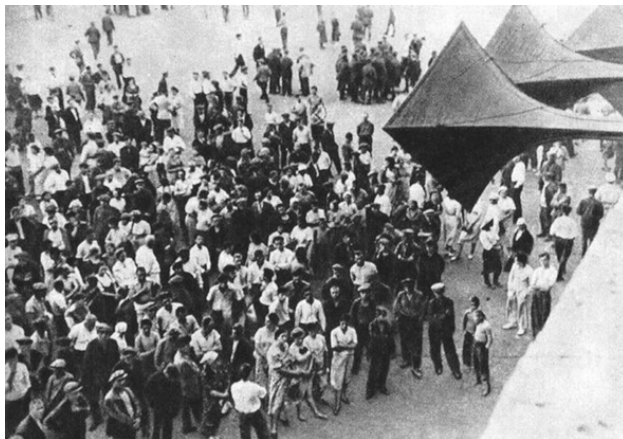
Ночь, дети спят – ведь мир и тишина,
Так что же слово страшное – ВОЙНА —
Тревожит память мне в ночной тиши,
Мой сон гоня, смутив покой души?

1941 год

Диктор – Юрий Левитан, начало войны

ВОЙНА... Да что я помню о войне?!

ВОЙНА... Да что я помню о войне?!
Но помню все, хотя и было мне
Всего пять лет в том горестном году,
Когда напали немцы на страну.

Запомнилось: как летом в тишину
Ворвался строгий голос Левитана...
Как плакали, как горевали мамы,
Когда отцов забрали на войну.

Осиротел тогда наш старый дом —
Остались в нем лишь женщины и дети,
Еще не представляя, что потом
Придется жить в нем без тепла и света...

Еще никто из нас тогда не знал,
Что впереди четыре страшных года,
Хотя в Европе страны и народы
Уже не первый год фашизм терзал.

Не умолкал – мы не сбавляли звук —
Не выключался все четыре года
На стенке репродуктор – черный круг,
Тогда с тревогой с фронта ждали сводок...

Уже сомкнулось страшное кольцо
Вокруг дворцов и парков Ленинграда,
Дышало грозно городу в лицо
Неслыханно – зловещее – БЛОКАДА.

Пожарища везде... И смерть, и кровь...
Воздушные налеты и тревоги...
В руинах пали сотни городов,
И беженцев поток на всех дорогах...

Брат мамы – военный корреспондент Вершинин Г. Г.

Слушают фронтовые сводки – черный репродуктор военного времени

Мы каждый день, дыханье затаив,
Ловили сводки: сколько ж километров
Еще осталось немцам до Москвы?
И сможем ли вцепиться, упереться...

Не сдать Москвы проклятому врагу,
Что, все сметая, прет железным валом...
Ох, сколько же их полегло в снегу —
Отцов, сынов, что насмерть там стояли!

Вздыхала мама, карту разложив,
Отметив черным контур отступления;
Тревожилась за брата – где он, жив?
Давно не пишет... Может в окруженьи?

Как ждали писем – писем фронтовых —
Тот треугольничек без марки, без конверта,
Был праздником – ведь это значит ЖИВ!
Пока что жив... Но далеко ль до смерти...

Но было страшно ждать тогда письма,
А получить в конверте «похоронку»,
Как тяжесть страшную ее несла
В своих руках седая почтальонка...

Через соседей горестную весть,
Обняком старалась передать,
Чтоб подготовили семью, чтоб уберечь,
Да горем не убить жену иль мать,

Давно уже закончилась война...
Но с детских лет стоит перед глазами
Та первая военная зима
С тревогой, скорбью, вдовьими слезами.

Беженцы

Не готовы были мы к войне,
Хоть в Европе страны и пылали.
Кто-то может знал... Но по стране,
В целом, нападения не ждали.

Потому наверно первый год
Был для всех особенно тяжелым...
Сколько немцам сдали городов,
Как нещадно жгли фашисты села!

Побросав тогда родимый дом,
Без оглядки уходили люди.
Шли, не зная, где и жить-то будут,
Беженцы, шли без вещей, пешком...

Уходили часто кто в чем есть,
Уносили на руках детишек —
Только бы успеть уйти и выжить,
Лишь бы немцы не застигли здесь.

Не было тогда страшнее доли,
Чем под немцем оставаться дома —
В оккупации остался только тот,
Кто, к несчастью, и уйти не мог.

Много таких беженцев в войну
Приютили города Урала.
В наш дом тоже привели одну
Беженцев семью из Ленинграда.

Поселили в кухне, а потом
Переборкой тонкой отделили.
Так вот всю войну они и жили —
Не до жиру, было бы тепло.

И девчушка с ними там была,
Помню, мне ровесница, – худышка...
Выйдет погулять, уж холода,
А на ней осеннее пальтишко.

Я не помню, с кем она жила,
Но без мамы, это точно знали,
Тихонькая, бледная была —
Все жалели, кой-чем помогали...

Кто отдал шапчонку, кто пальто, —
Подросли свои-то ребятишки.
Во дворе не обижал никто,
Даже наши драчуны-мальчишки.

Мы не знали, сколько же до нас
Ей уже пришлось увидеть горя...
Только улыбнулась вот не скоро —
Был не детским взгляд печальных глаз.

Помню, как отчаянно ждала
Та семья вестей из Ленинграда,
И уехала тотчас же, как была
Прорвана трехлетняя блокада.

Эвакуированные

Как трудно жил наш город тыловой,
Когда мы, потеснившись, принимали
Бездомных, обездоленных войной —
Ведь эшелон за эшелонам гнали...

Казалось, к нам нагрянул весь Союз:
Волжане, москвичи и ленинградцы,
Украинец, эстонец, белорус —
Всем довелось у нас в войну спастись.

Откуда только к нам они не шли,
Те эшелоны – целые заводы!
Сгружали быстро то, что привезли,
А осень ведь уже, вот-вот морозы...

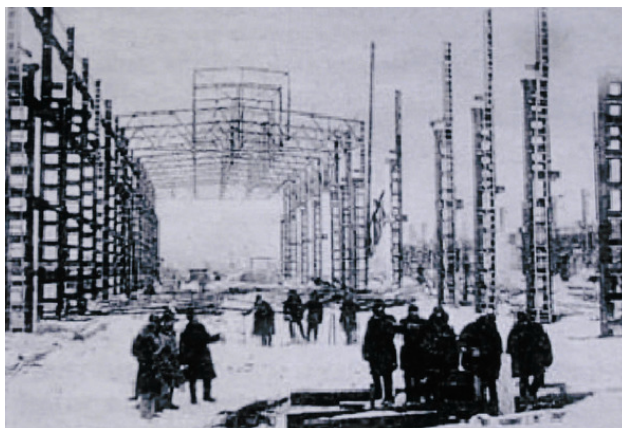
Не ждало время... На войне нужны,
И позарез! – снаряды, пушки, танки.
Здесь хоть и тыл, да тоже, как в атаке,
Когда в цехах – ни крыши, ни стены.

Так на морозе, под открытым небом,
Включали, запускали в ход станки.
Тот не поймет, кто в цехе этом не был, —
Штурвал примерз, не оторвать руки!

Врастали в землю заново заводы,
И быстро, как грибы, росли цеха,
И вот уже и первая подмога
С Урала эшелонами пошла.

Эвакуируют целые заводы

Запомнилось, как для заводов свет
В жилых домах надолго отключали...
А кто откуда – мы не разбирали,
Делили мы по-братски с ними хлеб.

Мы поделились с ними всем сполна:
Едой, жильем, рабочими руками...
Тогда мы тоже потеснились с мамой,
И к нам вселилась целая семья.

Без отца

Война – война... Проклятая война!
Как часто приходили похоронки...
Не у могильного холма в сторонке
Согнута вдовья горькая спина...

Над похоронкой слезы по ночам,
Когда затихли и уснули дети,
Ведь им совсем не надо видеть это,
Как матери горюют по отцам.

На хрупкие и худенькие плечи
Ложится горя непомерный груз...
И время этих вдовьих слез не лечит,
Как не вернет отца в семейный круг.

В тот страшный год и к нам пришла беда,
И моего отца тогда не стало.
Он не погиб в боях, как все тогда
На фронте гибли, землю защищая.

Он умер от болезни. В ноябре
И мы, как все вокруг, осиротели.
Мне жаль, я мало помню об отце,
Два года, не вставая, проболел он...

Но в памяти остались навсегда
Те дни: как ночь совсем не спали,
Врачи у нас пробыли до утра —
Мы скорую ночную вызывали...

Как повалил наутро сильный снег,
К похоронам уже легли сугробы, —
На кладбище везли по целине,
А я сидела на санях, у гроба.

Сама еще не в силах осознать
Всей тяжести постигшей нас утраты,
Я помню, как тогда жалела мать,
Как вместе с ней и мне хотелось плакать.

Ни братьев, ни сестер – совсем одна
В холодной комнате, порой по целым дням.
Мать на заводе чуть не до утра...
Я безотцовщиной, как все тогда, росла.

Мой отец – Курочкин Александр Васильевич, умер от болезни 9.11.1941 года

Мама

Как нарочно, первая зима
Выдалась до крайности суровой.
Мало было горя, что война,
Так еще морозы да сугробы...

А морозы, так нужны дрова,
Да покрепче надо б одежонку...
Где же взять, когда кругом одна,
Дочка на руках – еще девчонка.

Да работа держит крепче пут,
Отнимает время без остатка,
А метели зимние не ждут,
И в морозы без пальто не сладко...

Помню, что в войну носила мать
Плюшевую старую жакетку, —
Чтобы в ней зимой не простывать,
Все бегом, наперегонки с ветром.

На ногах, жакетке той подстать,
Старенькие фетровые боты, —
Если с их подошв галоши снять,
Видно, что насквозь они протерты.

Боже! Как мы выжили когда
Только что отца похоронили?
Денег нет, – ведь пенсии тогда
За отцов умерших не платили.

А ее зарплаты лишь на хлеб,
Да и то с большим трудом хватало.
Что тогда я знала-то в пять лет?
Это уж позднее я осознала...

Только и за деньги не достать
Было в эти годы одежонку.
Так что в воскресенье шли менять
Что-то из вещей на барахолку.

Моя мама – Курочкина Ангелина Григорьевна, в конце войны.

Женщины

Трудно было без мужчин в войну —
Женщинам достались все заботы,
Не боялись никакой работы,
Взяли в свои руки всю страну.

Оказалось, женщине по силам
Все, что раньше делал лишь мужчина;
И пока отцы на фронте были,
Матери их всюду заменили.

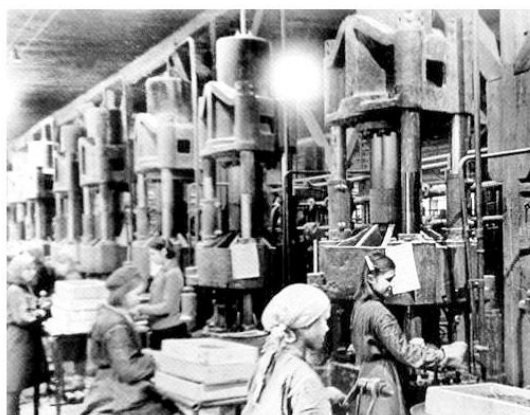
Встали у мартинов и станков,
Руды, уголь в шахтах добывали.
И на трактор сели за отцов —
Сеяли, пахали, убирали.

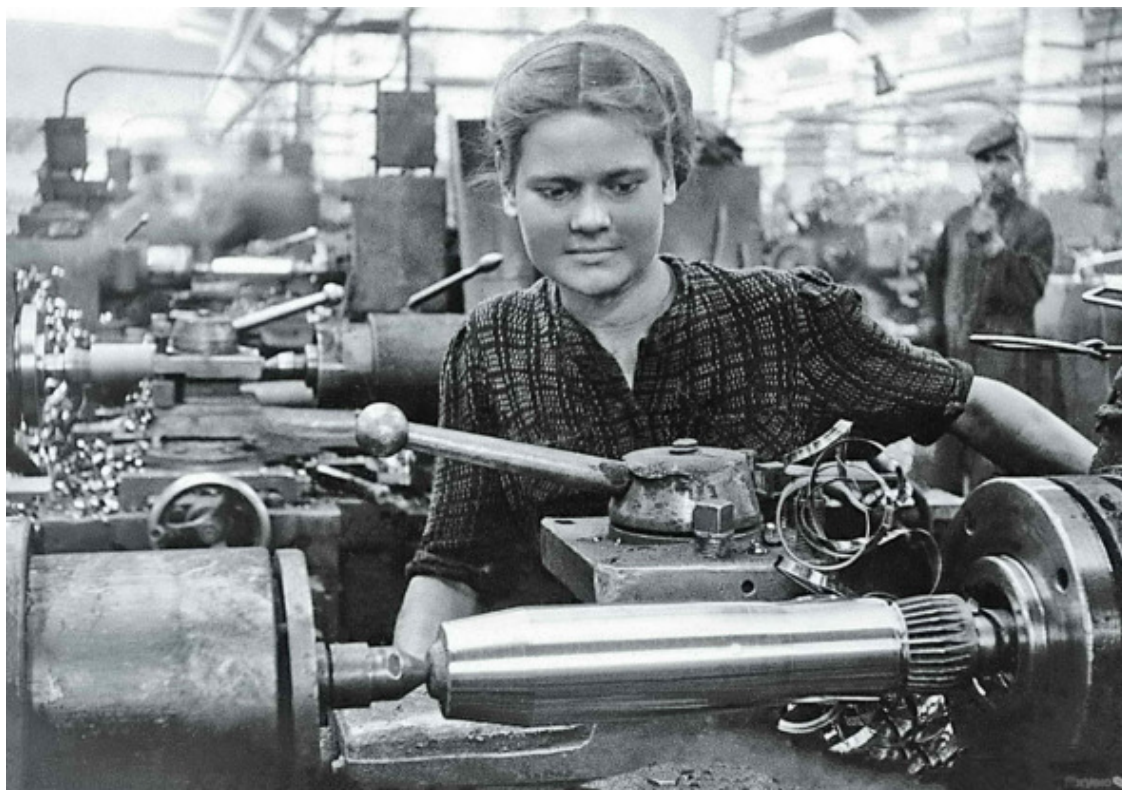
За войну, покой и сон забыв,
Почернев от усталости и горя,
Было, по неделям не могли
Из цехов своих дойти до дома.

Не погасли домны без отцов
И металл, как прежде, выдавали —
Ежечасно шли от нас на фронт
Тяжело груженные составы...

Эшелон за эшелонами шли,
Шли на запад, крытые брезентом,
И фашистам «русские презенты»
День и ночь от нас на фронт везли.

Все это легло на женские плечи...

И сейчас уже поверить трудно,
Что огромный и могучий танк
Женские обветренные руки
Помогли тогда, в войну создать.

Все смогли: снаряды, бомбы, пушки —
Все, что помогло нам победить,
Да еще извечное – ведь нужно
И одеть солдат, и накормить.

Сколько разных дел, не сосчитать,
Слабенькие руки выполняли...
С ранеными вон пришел состав —
На носилках женщины сгружали...

И дежурили потом в госпиталях,
Утешали, раны бинтовали...
Да еще, где силы только взяв,
Донорами шли – все кровь сдавали.

В очередь стояли дотемна,
Чтобы сдать свои пол-литра крови,
Ведь тогда наверно вся страна

Кровь для фронта дать была готова.

Но никто не подсчитал тогда,
Сколько ж фронт той женской крови выпил!
Знаю, только мама лишь сдала
За войну одна – семнадцать литров!

Женщины! Какой ценой в тылу
Нашим матерям война досталась?!
Как старели страшно за войну,
Вроде и красивых не осталось...

Дрова

Нет мужчин, нам некому помочь,
А зима уже не за горами...
Помню, как мы мучились с дровами —
Надо ж напилить и наколоть.

Только с кем пилить-то? Мне пять лет,
От меня, конечно, толку мало,
Но другой подмоги тоже нет,
Так что как могла, так помогала...

Надо было длинную пилу
Потянуть за ручку, что есть мочи;
Изо всех силенок я тяну,
А она и сдвинуться не хочет...

Но и маме взад-вперед пилой
В одиночку тоже несподручно,
И бревно не распилить одной —
Маета одна, друг друга мучим...

Кое-как распилим то бревно,
Надо расколоть, чтоб влезло в печку,
На поленья хоть чуть-чуть помельче
Колуном – тяжелым топором...

Да сноровки нету, нет и сил —
Ели плохо, быстро уставали...
Мучились с дровами без мужчин.
Только дров-то тоже было мало.

Вот тогда и завели буржуйку, —
Тут годились щепочки и чурки,

Обрезь всякая от досок или палки,
Деревянный мусор – сжечь не жалко.

Буржуйка

Сколько новых слов пришло с войной:
Вот смешное, толстое – БУРЖУЙКА —
Черная железная печурка
С круглой, переломленной трубой.

Кто не грелся у ее боков,
Кто не слышал, как гудит в ней пламя,
Тот понять возможно не готов,
Почему она запала в память.

Придвигали к печке табуретку,
Наскоро варили постный суп,
И, раскрыв для света шире дверку,
Грелись, ели – просто жили тут...

От буржуйки жарко и светло,
Словно от кострового огня,
К ней лицом сидишь – лицу тепло,
Только замерзает вот спина...

И тогда в большие холода
Даже дома не снимали шубы,
Чтоб еще не мерзла и спина,
Когда греешь у печурки руки.

Пожирает щепочки огонь,
Докрасна бока ее нагрелись.
После холода, с мороза, клонит в сон —
Отогрелись, даже разомлели...

У буржуйки вечером семья
Собиралась вместе у огня.
Да не долго приходилось греться —
Прогорит, и кончится блаженство.

Морозы

А как мы страшно мерзли той зимой!
Ведь негде было толком отогреться.
Войдешь с морозной улицы домой,
Пар изо рта – попробуй-ка раздеться...

Дров не было. Большую печь топить
В войну зимой почти не приходилось.
А от буржуйки жар, пока горит,
Пока на ней похлебка не сварилась.

В пальто сидели у ее огня,
Почти вплотную сдвинув табуретки,
Была она оазисом тепла,
Пока в нее подбрасывали щепки.

Но от ее нагретых боков
Тепло не доходило до углов,
Они зимой совсем не прогревались
И снизу крепким снегом покрывались.

И окна, как в трамваях в холода,

За зиму тоже покрывались снегом,
Искрящимся на солнце слоем льда,
Оттаивал который только летом.

А стоило разок лишь прозевать,
Как в этот лед за ночь вмерзали шторы,
И было их уже не оторвать
И до весны на окнах не раздернуть.

Чтоб выглянуть на улицу, глазок
Я тоже, как в трамвае, продышала
И каждый раз скопившийся снежок
В глазке озябшим пальцем протирала.

Чтоб не замерзнуть, ночью с мамой спать
Ложились мы зимой в одну кровать,
Поверх одеял еще набросив шубу, —
И все равно, поеживались к «утру...

Да как не мерзнуть? И не мудрено —
Ведь если даже в комнате ведро
С водой, оставленное на ночь,
К утру ледовой коркой покрывалось.

Коптилка

Как теперь, когда вдруг гаснет свет,
Мы ворчим и ищем свечку, спички...
Иль, смирившись, ждем... Уж много лет
Жить в потемках нет у нас привычки.

Ну, а если долгие года
Не давали света в города,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.